

С. Г. СОЛОВЬЁВ (аспирант)
Донецкий национальный технический университет

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

Анализируется генезис и актуальное состояние проблематики бессознательного в рамках исследования творческого процесса. Определяется содержание физиологического и собственно психологического аспекта бессознательного. Обобщается понятие бессознательного как универсального источника творчества в контексте одной из возможных картин мира.

Ключевые слова: коллективное бессознательное, индивидуальное бессознательное, источник творчества, архетип, нелокальность связей, имплицативный порядок.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Современное состояние общества, переходное от информационного к пост-информационному, актуализирует проблему смысла, ценности и сущности человеческой жизни. Новые условия жизни требуют поиска новых приоритетов. Творческая деятельность человека способна ответить на подобные вызовы современности.

Связь творчества с бессознательным, особенно на второй и третьей стадиях творческого процесса, описанных у Пуанкаре (стадии вызревания творческого результата и инсайта – внезапного озарения, состоящего в «перекладывании» готового результата из пространства бессознательного в сферу сознания), очевидна и необходима. Для выяснения значимости роли бессознательного пласта психики в творческом процессе нужно хотя бы в самых общих чертах определить феномен бессознательного в плане содержания и в плане выражения. В самом общем виде, бессознательное составляет совокупность психических явлений, процессов, свойств и состояний, в отношении которых отсутствует сознательный контроль и которые актуально не рефлексированы, т.е. не осознаются субъектом.

Общая идея о бессознательном, подобно большинству самобытных идей человечества, восходит к античности, а именно – к Платону в контексте теории эйдосов, первоначальных сущностей, предстоящих объектам материального мира. Эйдосы, или идеи, содержат подлинное знание о материальных сущностях и, заключая в себе их прообраз и квинтэссенцию, составляют идеальный мир, предшествующий материальному, бледной тенью которого является последний. Идеальный мир Платона в современных терминах может и должен быть описан как пространство бессознательного, бывшее открытым для человека всегда.

В рамках системы идей гениальный мыслитель сделал ещё одно удивительное открытие, а именно, создал и развил учение об анамнесисе – припоминании, единственном знании, по-настоящему доступном человеку. Это знание изначально существует в душе человека, поскольку последняя принадлежит не только миру идей, но и миру видимому, и, будучи вхожа в идеальный мир, содержит в себе понятия всех вещей, существующих в мире материальном. Таким образом, душа в платоновском смысле, помимо прочего, представляет собой бесконечный источник информации, содержащийся в ней, но скрытый до времени от сознания человека, пока специальным актом, наподобие родов, сведения, содержащиеся в этом источнике, не будут извлечены при посредстве наводящих вопросов или каким-либо другим образом. Подобный акт «припоминания», то есть сознательного извлечения знания, уже изначально содержащегося в душе человека, Платон называет анамнесисом. И поистине человечеству ещё только предстоит убедиться в глубине провидения, отличавшего рефлексию отца-основателя объективного идеализма.

Дальнейшее развитие учение о бессознательном получило в работах Лейбница, Гартли, Канта, Шопенгауэра и других учёных и философов. В начале XX века австрийский психиатр Зигмунд Фрейд осуществляет экспериментальную разработку понятия бессознательного с выделением основных психических структур и созданием психоанализа – метода исцеления души, запутавшейся в сети неосознаваемых влечений. После Фрейда интерес к бессознательному

увеличивается в геометрической прогрессии. Адлер, Юнг, Фромм, Гроф, Лакан – имена лишь наиболее известных исследователей в этой области. Содержание понятия бессознательного значительно расширяется со времени Фрейда, и попытки его трактовки уже не носят столь открыто механистического характера, замешанного на сексуальном контексте. Однако и к выработке единообразного мнения относительно содержания и форм бессознательного и, главное, возможности более или менее успешного и стабильного взаимодействия с ним, наука пока не пришла, потому что, создание последовательной и единообразной теории всегда было лишь побочной целью психоанализа, преследующего гораздо более практические и утилитарные задачи.

Гениальный последователь Фрейда, швейцарский психиатр Карл Густав Юнг отошёл от классической фрейдистской физиологически-сексуальной трактовки бессознательного, привнеся в дискурс последнего элемент архетипа – связующего звена между сознанием и коллективным бессознательным посредством обращения к мифологическому дискурсу, то есть элемент, по существу, художественный и эстетический. Самобытность гения Юнга, широта его кругозора, разносторонность научных интересов были настолько выдающимися, что после его ухода в школах психоаналитического толка наступила полная раздробленность, граничащая с бессилием.

Итак, попробуем разобраться, что же представляет собой нечётко определённое и с большим трудом согласуемое учёными содержание бессознательного.

Физиологический аспект бессознательного составляют «процедурные (имплицитные) психические процессы, которые проявляются в памяти, обеспечивающей навыки восприятия и моторные навыки» [4, с. 542], то есть поведенческие и физиологические автоматизмы и стереотипы, осознание которых стало излишним ввиду их значительной отработанности.

Собственно психологический аспект бессознательного или так называемое «индивидуальное (личное)» бессознательное представляет собой биографический слой психики. Личное бессознательное составляет так называемый опыт нежелательных действий, вытесняемых сознанием ввиду их социальной неприемлемости на периферию психической деятельности, а также неосознаваемые переживания и мотивы, возникающие на основе инстинктивных влечений и побуждений человека, которые по тем или иным причинам (чаще всего – в силу запрета со стороны супер-Эго) не могут быть реализованы практически, в связи с чем последние начинают негативно влиять на поведение и жизнь человека в целом, вплоть до причинения психических расстройств и заболеваний. Фрейд также выделял предсознательный компонент – сторону бессознательной обработки информации, имеющую открытый доступ к сознанию.

Кроме того, как сказано выше, Юнгу принадлежит заслуга выделения ещё одного бессознательного пласта психики – общекультурного в самом широком смысле слова, потому что в самом общем виде юнговское коллективное бессознательное и составляет культуру человечества, и именно этому исследователю впервые пришла мысль экстраполировать пространство культуры на всю совокупность наличных форм человеческого опыта, как актуального, так и прошлого, вплоть до времени зарождения человечества. Юнг «не считал бессознательное исключительно хранилищем подавленного, инфантильного, личного опыта, но полагал его местом психологической деятельности, выходящей за рамки индивидуального, более объективной, поскольку эта деятельность непосредственно связана филогенетическими инстинктивными основами человеческого рода. Первый из указанных слоёв рассматривается как личное бессознательное, которое базируется на втором, коллективном бессознательном. Содержания коллективного бессознательного никогда не были в сознании и отражают архетипические процессы» [5, с. 49]. То есть отражают мифологическую парадигму, представляющую собой возможную точку смычки бессознательного и сознания. Изначальный миф представлял собой схему поведения (реального, возможного или ритуального), типическую в определённых условиях для данного социокультурного пространства в тот или иной период времени. Мифы как «архетипические узаконивания» частично составляют содержание человеческого сознания, частично же – бессознательного, причём это содержание непосредственно доступно сознанию, хотя и в непрямом, символическом или метафорическом контексте. Метафоры бессознательного, время от времени вторгающиеся в размеренную жизнь сознания, с точки зрения последнего, представляют собой компоненты мифов, уже содержащиеся в человеческой генетической памяти и смутно понятные без дополнительных

пояснений. С точки зрения бессознательного, подобные метафоры представляют собой его архетипы, которые составляют «наследуемую часть психики; структурирующие образцы психической деятельности, связанные с инстинктом; гипотетическую сущность, непредставимую саму по себе и свидетельствующую о себе лишь посредством своих проявлений» [5, с. 42]. Юнговские архетипы восходят к таким предшественникам как априорные категории восприятия Канта или прототипы Шопенгауэра, но если подходить к рассмотрению вопроса беспристрастно, то их прообразом опять же являются первоначальные сущности в виде эйдосов, служащих моделями всех сущностей человеческого космоса у Платона.

Итак, «первая группа (индивидуальное бессознательное. – *Прим. перев.*) вмещает в себя содержания, которые представляют собой неотъемлемые компоненты личности, именно поэтому они могут стать осознанными; вторая группа (коллективное бессознательное. - *Прим. перев.*) предполагает некое универсальное, неизменное, аутентичное условие или основание психэ как таковой» [6, с. 371].

В дальнейшем продолжая и углубляя линию, очерченную Юнгом, рядом исследователей была предпринята попытка экстраполировать способность любой живой природы, то есть природы, способной синтезировать РНК на основе ДНК, а на основе РНК – белок, быть субъектом культурного процесса, созидающего образы, способные к закреплению в генной памяти хромосом ядра клетки.

В контексте данного исследования нельзя не отметить интересного исследовательского материала, собранного Станиславом Грофом, основателем школы так называемой трансперсональной психологии. Академическая наука не всегда готова принять заключения и выводы Грофа, поскольку на начальном, наиболее интересном, этапе своей практики психотерапевт применял ЛСД и некоторые другие нейромодуляторы для лечения шизофрении и исследования терапевтического воздействия психотропных веществ на психику пациентов, и многие из его выводов основываются скорее на непосредственном усмотрении, нежели на методологической строгости научного анализа. В своих работах «За пределами мозга» и «Надличностное видение» доктор Гроф на основе богатейшего фактического опыта делает заключение, что психика человека содержит не только биографический, то есть послеродовой, опыт, начинающийся в раннем детстве, но также и родовой (перинатальный), и дородовой (пренатальный) опыт, что подтверждается данными многочисленных клинических исследований. Подобные выводы опровергали существовавшее до этого положение, предполагавшее, что плод в чреве матери, а затем и новорожденный ребёнок в течение первых месяцев жизни не имеют физиологической возможности формирования памяти вплоть до завершения процесса миелинизации нервных волокон, что считалось необходимым условием для обеспечения распространения нервного импульса в нейронных сетях. Результаты исследований Грофа достаточно убедительно продемонстрировали, что человек способен пережить и вспомнить определённые эпизоды жизни в стадии эмбриона и плода, находящегося в материнской утробе. Более того, в ходе сеансов надличностных (трансперсональных) переживаний участники экспериментов описывали переживания, возможно, относящиеся к жизни их предков, в том числе весьма отдалённых. Описания давались в терминах юнговского коллективного бессознательного, которое, как упоминалось выше, содержит коллективный, расовый банк памяти, состоящий из архетипических образов концентрированного опыта, главным образом, предшествующих поколений. Под воздействием нейромодуляторов пациенты под руководством врача переживали моменты не только эмбрионального развития и биографического опыта предшествующих поколений, но получали также доступ к переживаниям совсем другого рода, напрямую не связанным с человеческой психикой, например, пациенты описывали процесс оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом как лично переживаемый, могли отождествлять себя с животными, растениями и даже – с простейшими микроорганизмами эпохи зарождения жизни на планете, наконец, выходя за рамки филогенетической парадигмы, в ходе экспериментов с галлюциногенами пациенты получали доступ к воспоминаниям своих прошлых жизней. Иногда делались сообщения о переживании сознания планеты в целом, люди получали возможность общаться с Богом, растворяясь в Абсолюте. Известный анекдот гласит, что когда человек общается с Богом, это считается нормальным, и не вызывает недоумения, но как только появляются сообщения о том, что Бог начинает общаться с человеком, в воздухе сразу пахнет шизофренией. В подобном ключе учёное сообщество восприняло результаты исследований

Грофа, несмотря на постановку крайне интересной гипотезы, подтверждавшейся сотнями свидетельств. Действительно, рассказы о переживаниях различных обстоятельств отдалённого прошлого и «нечеловеческих» состояний подкреплялись солидным фактическим материалом, в деталях и подробностях, которые можно вспомнить лишь в качестве лично пережитого, и с которыми биографический опыт испытуемых был попросту несопоставим.

На основании собственных исследований, которые после запрета применения LSD продолжились с применением техники «холотропного дыхания», Гроф делает вывод о том, что бессознательное хранит не только сведения, принадлежащие филогенетической памяти человечества и прочих живых существ других видов, но также содержит сведения из области, которую можно условно назвать жизнью неживой природы, об опыте неорганики, «проявляющей свойства сознания», а также – природы, мира и вселенной в целом. Проще говоря, бессознательное содержит в себе весь мир и, более того, само является миром: «Таким образом, исследования холотропных состояний обнажают загадочный парадокс относительно природы людей. Он явно показывает, что каким-то таинственным и пока еще необъяснимым способом каждый из нас несет в себе сведения обо всем мире и обо всем существующем и обладает возможным в переживании доступом ко всем его частям» [7, с. 41].

«Хотя надличностные переживания случаются в ходе глубокого индивидуального самоосвоения, невозможно толковать их просто как внутриспсихические явления в общепринятом смысле. С одной стороны, они появляются в той же самой индивидуальной психике, что приносит личные сведения о чьих-либо биографических или околородовых переживаниях. С другой же стороны, они, кажется, прямо, без посредства наших органов чувств, подключаются к источникам сведений, которые, несомненно, располагаются далеко за пределами того, что, как общепризнанно, могло бы быть доступно для данного индивида. Где-то на околородовом уровне психики, по всей видимости, происходит странное переключение: то, что было до этого момента глубоким внутриспсихическим зондированием, превращается в сверхчувственное переживание различных сторон мира в целом.

Эти наблюдения показывают, что мы можем получать сведения о мире двумя совершенно разными путями. За общепризнанным процессом научения посредством восприятия, анализа и синтеза чувственных данных мы также раскрываем разные стороны мира через прямое отождествление с ним в необычных состояниях сознания. Таким образом, каждый из нас оказывается микрокосмом, голографически (т.е. отражающим все в его целостности) содержащим сведения о макрокосме. В мистических традициях это выражалось такими фразами, как «что вверху, то и внизу» или «что снаружи, то и внутри» [7, с. 39].

Подобные выводы в чём-то очень созвучны с раздумьями Юнга, пожалуй, самого интересного, тонкого и образованного, именно, художественно образованного исследователя глубинных слоёв психики: «Глубинные «слои» психэ теряют свою индивидуальную исключительность по мере того, как отступают все дальше и дальше в темноту. Это последовательное «движение вниз» означает, что по мере их приближения к автономным функциональным системам, они становятся все более коллективными, вплоть до универсализации и растворения в телесной материальности, то есть в химических субстанциях. Углевод человеческого тела – это просто углевод. Следовательно, на своем «дне» психэ является просто миром» [6, с. 371].

Эти выводы также имеют множество точек пересечения с данными достижений современной квантовой физики, в частности, с так называемой «бомовской линией» (концепцией Дэвида Бома, одного из самых известных физиков современности, сотрудника Эйнштейна и Оппенгеймера) противопоставляемой классической копенгагенской или «боровской линии» (по имени датского исследователя Нильса Бора) в квантовой физике.

На основе многочисленных опытов с малыми частицами (квантами) Бом, открывший ряд законов квантовой механики, автор нескольких классических работ в этой области, приходит к выводу о том, что Вселенная едина, поскольку состоит из единой сети мельчайших, далее неделимых частиц – квантов; материя и энергия обладают двойственной природой (в зависимости от контекста среды они способны вести себя либо как частица, либо как поле или волна); а также к выводу о нелокальности связей во Вселенной, отвергающему положение классической механики о способности взаимодействия лишь близкорасположенных объектов и предполагающему, что существуют связи между частицами, удалёнными даже на значительном

расстоянии друг от друга.

Это позволило Бому выдвинуть гипотезу о том, что на фундаментальном уровне Вселенная представлена скрытым или свёрнутым (имплицативным) порядком, некоей однородной целостностью, являющимся в то же время и всеобщим порядком. Разворачивание этого свёрнутого порядка сознанием приводит к объективации феноменов. Обыденное сознание склонно принимать феномены за дискретные, самостоятельные и объективные сущности, упуская из виду, что мы имеем дело именно с некоей однородной целостностью, лишь «считываемой» «объективами» – нашими органами чувств и затем развёртываемой нашим сознанием до «явного, видимого порядка» «объективной реальности».

Итак, сравнительно малая изученность, сложность и неоднозначность бессознательного пласта человеческой психики позволяет лишь предполагать, какое количество загадок ещё скрывает в себе эта глубинная часть личности мира. Загадка бессознательного по-прежнему ждёт своих исследователей. Нам же остаётся лишь констатировать, что исток творчества таится именно здесь, на скрижалях бессознательного, где миф и реальность, свободные от пространственно-временных и каузальных условностей сознания, взятые в ретроспективной прогрессии опыта предшествующих поколений, сплетаются в причудливую вязь индивидуального творческого проявления.

Список использованной литературы

1. Пуанкаре Анри. О науке / Пуанкаре Анри; пер. с фр. Т.Д. Блохинцева; А.С. Шибанов; под ред. Л. С. Понрягина. — М. : Наука, 1990. — 736 с.
2. Платон. Избранные диалоги / Платон; пер. с др.- греч. С.М. Соловьева, С.А. Апта, А.М. Егунова и др.; под ред.: А.М. Егунова. — М. : Художественная литература, 1965. — 444 с.
3. Фрейд Зигмунд. Психология бессознательного / Фрейд Зигмунд. — М. : Просвещение, 1990. — 448 с.
4. Кандель Эрик. В поисках памяти. Возникновение новой науки о человеческой психике / Кандель Эрик; пер. с англ. П. Петрова. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 736 с.
5. Словарь аналитической психологии К. Юнга / [авт.-сост. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф.; пер. с англ. В. Зеленского]. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 288 с.
6. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / Юнг К.Г.; пер. с нем. И. Булкиной. — К. : Air Land, 1994. — 406 с.
7. Гроф Станислав. Надличностное видение / Гроф Станислав; пер. с англ. С. Офертаса, под общ. ред. В.Майкова. — М. : Аст, 2004. — 237 с.
8. Яковлев В.А. Философия творчества в диалогах Платона / В.А. Яковлев // Вопросы философии. — 2003. — № 6. — С. 142-154.
9. David Bohm: Wholeness and the Implicate Order. — 2002. — Routledge Classics, London and New York. — 283 p.

Стаття надійшла до редакції 24.09.2012.

С. Г. Соловйов. Несвідоме як джерело творчості.

Аналізується генезис та актуальний стан проблематики несвідомого в межах дослідження творчого процесу. Визначається зміст фізіологічного та суто психологічного аспекту несвідомого. Узагальнюється уявлення несвідомого як універсального джерела творчості в контексті однієї з ймовірних картин мира.

Ключові слова: *колективне несвідоме, індивідуальне несвідоме, джерело творчості, архетип, нелокальність зв'язків, імплікативний порядок.*

S. Solovjov. The Unconscious as a Creativity Source.

The paper analyzes the genesis and contemporary state of the unconscious within the scope of creativity research.

Stanislaw Grof who implemented LSD as a psychoactive neuromodulator widely contributed into the Jungian doctrine trying to prove human capability to have both perinatal and prenatal memory. He made a huge number of records after his patients' descriptions of their "memoirs", though most of them had no (and could have none) relation to the patient's actual life. During experiments patients

provided their doctor with the detailed recollections of someone's else life, recollections of inanimate beings and even recollections of Universe itself. That allowed Grof to extend Jungian collective unconscious for inanimate matter.

On the basis of the aforementioned and some other specific points we came to a hypothesis about the unconscious to be the annals where the mankind's and even inanimate beings' intelligence is being collected. This receptacle could be the main source of human creativity which, according to Plato, is nothing but recollection of something having existed before.

So, in some way everything co-exists simultaneously. Thus a new aspect of unconsciousness's potential influence on human being conscious is defined.

Key words: *the collective unconscious, the individual unconscious, creativity source, archetype, connection nonlocality, implicit order.*